

Андрей Ильин:

Сыграть большого негодяя — это удача

Как Чистякова, мужа Каменской, актера Андрея Ильина знает весь белый свет. Поэтому не упомянуть в нашем разговоре Чистякова было нельзя, хотя точно знаю, ему это уже претит, во-первых, а во-вторых, лично мне по душе совсем другие работы Ильина: фильмы «Анкор, еще анкор!», «Какая чудная игра», «Артист и мастер изображения», «Красная капелла»... Думаю, приставка «тот самый муж Каменской» давно уже перестала быть актуальной — диапазон Ильина гораздо интересней и шире. Он сам по себе Ильин — тот, который Андрей, и не иначе!

«За месяц не разу не поехал домой»

— Недавно телеканал «Россия» показал 12-серийный фильм «Красная капелла» с нами в главных ролях. Отзывы были очень хорошие. Вы-то сами довольны?

— Интересней этой работы в моей жизни еще ничего не было. История подпольного антифашистского движения в Европе — материал уникальнейший. Мой герой — разведчик Жан Жильбер (псевдоним Леопольда Трепера — Ped) был выдающейся исторической личностью. К сожалению, картина вышла на экраны не ко времени. В те дни, когда случилась бесланская трагедия. Конечно, тогда никто ничего не смотрел, кроме новостей, поэтому «Красная капелла» не прозвучала так, как могла бы. Но я надеюсь, зрители смогут увидеть этот фильм «по-настоящему» при повторном показе.

— А что слышно про «Каменскую»? Говорят, готовится новый, пятый блок?

— Если фантазия сценаристов не иссякнет — будем играть.

— Через «Надоело»?

— Мой персонаж Чистяков силен своей любовью к Насте. И это стержень, причем еще какой, поэтому играть уже интересно. Надоело, не надоело — не разговор. Тем более что Лена Яковлева — партнерша замечательная, работать с ней — удовольствие.

— Весь прошлый год журналисты гадали: чем кончится ваш вынужденный отпуск во МХАТе (ныне МХТ. — Ped) — вернетесь вы к Табакову или разойдетесь окончательно? И каков же финал?

— Вернулся. Вновь репетирую, ввожу в старые

спектакли, за что благодарен Олегу Павловичу. Наш диалог продолжается.

— Что, стало меньше съемок или антреприз — ведь именно из-за них вы отправивались у Табакова?

— Отношение к антрепризам изменилось и продолжает меняться — вот главное. Негативное отношение... ну, вы понимаете. Ведь это не чes по городам и весям, поверьте! Все это не только и не столько ради денег. Мне интересно работать с разными партнерами на разных площадках, а в классическом театре это невозможно. Кроме того, мне нравится ездить по стране — к примеру, на Дальнем Востоке я был уже трижды. Именно с антрепризами. Актерская востребованность для меня как воздух, я живу работой. В ноябре прошлого года получилась интересная ситуация: из-за съемок и гастролей я не смог ни разу за весь месяц побывать дома. Представьте, четырежды был в Москве проездом, но домой зайти не успевал... И сейчас готов работать в том же режиме, ни в коем случае не отказываясь ни от съемок, ни от спектаклей в МХТ.

— Да вы просто страшные вещи рассказываете. От работы в таком режиме можно озвереть!

— А я, наоборот, зверею без работы. В конце 90-х, кстати, уже после того, как вышел

первый блок «Каменской» и я вроде бы стал весьма популярен, случился период, когда меня вообще не снимали. Не приглашали. Было ощущение полного провала. Кроме того, театр трещал по швам, не было ясно — что впереди, выживем ли? Подумывал, не сменить ли профессию. Вот это — кошмар! Не приведи Бог пережить еще раз. А прочее — пустяки. Я научился спать в поездах и самолетах, влетать в тримерку за пять минут до спектакля, моментально включаться в работу. А недавно в Подольске полтора часа носился по сцене с Мишей Полицеймако, развлекал публику в ожидании Олеси Железняк, Юли Меньшовой и Зои Бурак, вместе с которыми играем в антрепризе «Бестолочь». Они банально застряли в пробке на МКАД... Ничего, дожались. И к таким стрессам тоже привык.

«Из Риги выехал «последним эшелон»»

— Мало кто в курсе, что вы почти одиннадцать лет отработали в Рижском театре русской драмы.

Как туда попали, ведь родились-то в Нижнем Новгороде?

— Когда заканчивал Нижегородское театральное училище, худрук Рижской драмы Аркадий Фридрихович Кац приехал посмотреть на выпускной курс — и позвал меня в Ригу. На ту пору труппа Рижского театра была одной из лучших в стране, Рига считалась эталонной театральной мехкой. По праву считалась, и я об этом знал. Поэтому поехал, и особо не раздумывая, хотя была возможность продолжить учебу в Школе-студии МХАТ.

— Говорят, вы сыграли в Риге все мыслимые роли звездного мужского репертуара?

— Короче, в аренду сдается практически все, кроме сцены и гримерок. А иначе не выжить! Особенно тяжело приходится популярным артистам, живут на одну пенсию.

— И у нас так!

— Нет, не так. В российских театрах очень долго держат штатные единицы для пожилых артистов, не занятых в репертуаре. Они получают небольшие зарплаты в рамках существующей «сетки», это помогает хоть как-то сводить концы с концами. А в Риге платят лишь тем, кто играет на сцене. Кроме того, у Рижской драмы сейчас нет свежих сил, к ним не

«В определенный момент начало фартить — и я, что немаловажно, был к этому готов».

— Играл очень много, в том числе из «того самого репертуара» — Хлестакова, Треплева, Гамлета... Чокнича мог бы сыграть, но в 1989 году, когда началась репетиция, я уже готовился к поезду в Москву, сидел на чемоданах. От роли, естественно, отказался, но жалел сильно.

— А как сейчас живется Рижской драме, знаете?

— Конечно. Там осталось много друзей. В прошлом году, когда снимали «Красную капеллу», несколько месяцев провели в Риге — я успел повидаться почти со всеми, побывал и в театре. Особой радости не ощутил, потому как не от чего. Весь первый этаж здания отлан под лавочки, магазины, киоски, вечером открывается ресторан — нет, не какой-нибудь там «театральный», а самый обычный, для улицы.

— Да по-разному. Это же просто — подняться и перемахнуть, если корни держат — дети, родители. Нам с женой ничто не мешало, и то страшно вспомнить тогдашнюю эпопею. Мы буквально прошли «по лезвию», выехали, что называется, «последним эшелон». Я вывернулся чудным образом, сделал тройной обмен квартир через Ригу и Нижний Новгород на Москву. Год мыкался без работы: ждал обещанного приглашения из Театра имени Вахтангова — не дождался. Потом неожиданно получил приглашение от Павла Осиповича Хомского из Театра имени Моссовета — это когда нервы были уже на пределе, представьте себе!

— В Москве сразу освоились?

— Благодаря театру — да. Как только приехал — стал репетировать в «Калигуле» у Петра Наумовича Фоменко. И все! Остальное значения уже не имело. Остальное — приложилось. Почти десять лет служил в Театре имени Моссовета, потом перешел во МХАТ. — Столичного артистизма не ощутили? Быстро стали своим?

— Откуда быть снобизму, извините, если в театрах 80 процентов артистов — приезжие?.. Обычная для Москвы и особенно для театров ситуация. Нас, талантливых артистов, как россыпь самоцветную, по всей стране собирать надо... (Смеется.)

«Обожаю топить печи и вязать веники»

— Знаю, один из ваших любимых спектаклей — «Мой бедный Марат» в Театре имени Моссовета, вы продолжаете его играть даже сейчас, будучи актером МХТ. А смогли бы, как ваш герой Леонидик, оставить любимую

жену даже не по ее желанию, а по собственной воле, поняв, что она любит другого?

— Конечно. Я считаю, нельзя жить вместе, если нет взаимного чувства. Должны быть и уважение, и общность интересов, но это все равно вторично... Любовь — странная субстанция: приходит, уходит, потом порой опять возвращается. Но если какое-то решение принято, лучше не оглядываться назад, будет еще сложнее.

— Кто для вас самый близкий человек?

— Мама. Папы и старшего брата, к несчастью, уже нет на свете. А мама — простая русская женщина, семь классов образования. Она почти всю жизнь проработала завхозом в ПТУ, но при этом — врожденное чувство такта, какая-то природная интеллигентность, которую ни один университет не даст, она либо есть, либо нет. Однажды прилетели на гастроли в Нижний вместе с Мариной Могилевской, Валей Смирнитским, Леной Якубовичем, продюсером нашим — Валдимом Дубровицким. Привезли спектакль «Слухи». Вдруг мама звонит, спрашивает: «Может, хотите борща домашнего?». Все сказали: «Хотим!». Завалились огромной компанией, посидели, выпили, поговорили. Остались в полном восторге.

— Перевозить маму в Москву не собираетесь?

— А почему вы решили, что ей это надо? В Нижнем у нее друзья и обожаемый внук, мой племянник. К тому же с мая по октябрь она живет на моей даче под Калужино, говорит, что только там ей хорошо, нормализуется давление. Недавно я построил там новый дом, вместе с друзьями праздновал в нем последний Новый год.

— Интересно, как лично вы принимаете участие в строительстве? Сами проектировали, что-то придумывали, мастерили?

— Сам финансировал. Остальные занимались люди, которые умеют это делать профессионально. Еще сам лично вбил гвоздь под фотографию. Если же вам интересно, умею ли я делать в принципе хоть что-нибудь по дому, отвечаю: особенно удаются рубка дров, растопка печей и вязание веников для бани. Баню обожаю. Умею готовить, причем практически все, но каждый раз так жалко тратить на это время! Просто убийственно жалко.

— А на что не жалует?

— На работу.

«Мечтаю сыграть редкую сволочь»

— Почему, имея водительские права, получив их еще в театральном училище, целых тринадцать лет вы не селись за руль? Не решились?

— Вовсе нет. Элементарно денег не было купить машину. Да и нечего было покупать в ту пору, в 70-х! Первую машину — «пяттерку», «Жигули» — товарищ пригнал мне аж из Бельгии, для начала — на юг Франции. А потом вместе с другом гнали ее из Франции в Москву. Н-да, классное было путешествие! Кстати, на этой «пятерке» я катался три года, после чего продал ее одному соседу в Нижний, а там ее прак-

тически сразу украли и разобрали на части. Вот ведь судьба: родилась машинка на берегах Волги, всю Европу объехала, вернулась на родину, тут и сгинула.

А я ж на той «пятерочке» учился по Москве ездить. Ночью! Только ночью, днем учиться нельзя. Рекомендую: сались — и дуй куда глаза глядят, по всем закоулкам, сам заблудишься — сам и отыщешься... Зато я теперь даже окранный Москвы знаю, из любого затора выскочу. Как в 91-м году сел за руль, так и не вылезая, передвигаюсь исключительно на машине.

— На какой теперь?

— Сейчас у меня «Volvo».

фото Сергея Иванова

...а вот это уже ближе к реальной жизни

В тему

Александр Домогаров:

— Вот я скажу сейчас одну вещь — и вы ее не поймете, зато Ильин поймет: «Ну что, брат, по сосисочке?» Наши отношения с Андреем — пример того, насколько причудливо могут переплетаться судьбы. Когда я был студентом, а Рижский театр привозил в Москву «Ревизора» и я видел Ильина в роли Хлестакова, думалось: «Нет, я так никогда не смогу бы!» Ощутил пиетет... А потом наступил 1995-й, мы стали вместе работать над «Моем бедным Маратом», и тогда Андрей, совместно разрывавшийся между съемками и репетициями, вечно опаздывал, прибегая, торопливо говорил: «Я только в буфет заскочу, мне бы только сосисочку!» А Житинкин успокаивал: «Вы только не светитеесь, ребята. Главное — не спешить! По сосисочке — так по сосисочке...» А сейчас мы живем неподалеку друг от друга. И однажды, когда с Андреем пришла мама, он позвонил мне в антракте перепуганный: «Мама не отвечает! Почему-то молчит телефон!» И я начал все, помчался проверять. Оказалось, элементарно провода отошли, телефон барахлил. Перезвонил ему, успокоил, сам счастливый, что обошлось... Вот, собственно, и все... Если не ошибаюсь, это называется дружбой.

Елена Яковлева:

— Андрюша часто меня удивляет, хотя за четыре года совместной семейной тележизни могла бы, наверное, привыкнуть, но... Судите сами — порой на съемках чувствуюсь: «Ну, точно попали в нисон, классно сыграли, молодцы!» И вдруг — едва успели выключить камеру — голос Ильина: «Хотелось бы поверснуть...» Честно скажу: за свой актерский век мне довелось встретить лишь двух коллег, настолько требовательно относящихся к собственной работе и постоянно недовольных своим творчеством — это Валентин Иосифович Гафт и Андрюша... А Андрюша искренне восхищаюсь, о чем и сказала ему сама в минувшую новогоднюю ночь, позвонив сразу после боя курантов ему на дачу. Кажется, он был рад!

Светский лев — только на сцене...

просто преклоняюсь. А Валерий — убедительный пример того, что природа не отдыхает на дачах талантливых людей. По крайней мере, не всегда.

— Вы приехали в Москву в тридцать лет. Потеряться и растеряться было проще простого. В девяти случаях из десяти судьбы складываются именно по такому сценарию. Причем судьбы талантливых людей, это принципиальная оговорка. Что же помогло вам?

— Слово «фарт» нравится мне больше, чем «удача». Поэтому скажу так: в определенный момент начало фартить — и я, что немаловажно, был к этому готов. Я уже был в хорошей творческой форме, а иначе ничего не получилось бы.

— Вы рискованный человек?

— Наверное. Когда уезжал из Нижнего в Ригу, помню, мастер сказал мне: «Да куда тебя несет! Оставайся в ТЮЗе тебе обеспечен весь репертуар — от Хлестакова и Гамлета до Иудушки Голлева!» А там, в Риге, ты никогда не сыграешь этих ролей, никогда! Но ведь сыграл же. Потом говорили: «Не суйся в Москву, сиди уже, много там таких...» И тем не менее я здесь. В нашей профессии надо уметь рисковать.

— Творчество превреще всего или есть что-то «над»?

— Я умом понимаю, что есть. И здоровье детей, и благополучие семьи... Здоровье мамы. Нет, наверное, в первую очередь все же дети, но у меня пока нет детей... Надеюсь, меня поймут правильно: сегодня — творчество, а завтра — будет завтра.

— Увы, нет. Петр Ефимович — не только режиссер и сценарист, но и композитор, и художник. Настоящий Леонардо да Винчи нашего времени. Я перед ним

Рита Болотская.

фото из архива А. Ильина

— Что делаете, если вдруг на дороге ЧП? Вставали когда-нибудь на колени, а включенной «аварийкой»?

— Само собой. Приходится звонить хорошим людям, звать на помощь.

— Друг, по-вашему, это кто?

— Если можешь повернуться к человеку спиной, если уверен, что простишь все и тебе в свою очередь простят — значит, друг. У меня такие люди есть.

— Говорят: век живи — век учишь. Чему продолжаете учиться?

— На сцене — мастерство. У того же Табакова, например. А еще — люблю смотреть теннис. Это игра характеров. Сражаются равные соперники, но выигрывает тот, у кого больше выдержки, стремления к победе. Смотрю и говорю себе: учишь, вот она, сила воли! А я уж сколько лет не могу заставить себя бросить курить, хотя пытался же, пытался!

— Все ваши роли в большей или меньшей степени положительны. А хотелось бы сыграть отъявленного негодяя, редкую сволочь?

— Еще бы! Это настоящая удача — поработать с таким материалом. Нет, конечно, есть актеры, которые, как Георгий Степанович Жженов, категорически не приемлют отрицательных ролей, но я не из их числа.

— Самые интересные ваши роли, на мой взгляд, сыграны в фильмах Петра Тодоровского. От него не поступало новых предложений?

— Увы, нет. Петр Ефимович — не только режиссер и сценарист, но и композитор, и художник. Настоящий Леонардо да Винчи нашего времени. Я перед ним

Случайная встреча в Париже (на съемках «Красной капеллы») фото из архива А. Ильина

Не расслабляться — особый драйв фото Сергея Иванова